

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Шаблинский Антон Ильич
**Федерализм и конституционные основы демократии
в политической философии Руссо**

Специальность
09.00.03 – История философии

Резюме диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
к. философ. н.
Юдин Г.Б.

Москва – 2021

Оглавление

Постановка проблемы	3
Историографический обзор	13
Исследовательская методология	20
Краткий обзор основных аргументов	24
<i>Моральная свобода</i>	24
<i>Пересечение политических языков в трактате «Об общественном договоре»</i>	26
<i>Федерализмы Руссо</i>	28
<i>Разделение власти в Речи Посполитой и «воли Нации»</i>	31
<i>Моральная свобода и политический язык гражданского республиканизма в «Соображениях об образе правления в Польше»</i>	34
<i>Институты федерализма и реализация моральной свободы</i>	38
<i>Институты федерализма и преодоление коррупции</i>	41
Заключение	45
Апробация работы	48

Постановка проблемы

Если попытаться выделить ряд общих положений во множестве сегодняшних трактовок демократии как нормативной политической теории, то мы придем к следующим постулатам. Демократия говорит о процедуре принятия легитимного коллективного решения. Легитимность этого решения основана на принципе равенства и свободы¹. Под свободой понимается прежде всего возможность гражданина участвовать в принятии решения, которому он или она будут следовать. Равенство подразумевает, что данная возможность не зависит от экономического или социального положения гражданина². Иными словами, возможность участвовать в принятии коллективного решения должна быть равной для всех. Кроме того, нормативное понимание демократии подразумевает нацеленность коллективного решения на общее благо, а также соответствие процедуры принятия решения идеалам разумности³. Два последних идеала направлены против доминирования в политике решений, основанных исключительно на комбинировании и столкновении частных интересов. Существует множество интерпретаций принципа разумности и дискуссий относительно того, в каких обстоятельствах уместно принятие коллективных решений, направленных не на общее благо, но на примирение частных интересов. Мы лишь зафиксируем здесь наличие этих нормативных постулатов.

На наш взгляд, вспомнить об этих постулатах нормативной теории демократии важно в связи с существующим напряжением между этими постулатами (прежде всего, свободой и равенством) и идеей суверенитета. Мы имеем в виду конкретное понимание суверенитета, возникшее в XVII в., и продолжающее определять сегодняшние подходы к описанию

¹ Cohen, J., Sabel, C. Directly-Deliberative Polyarchy // *European Law Journal*. 1998. Vol. 3, № 4. P. 313-342.

² Cohen, J. *Deliberation and Democratic Legitimacy* // *Deliberative democracy : essays on reason and politics*. Cambridge, 1997. P. 67-69.

³ Mansbridge J. "Deliberative Democracy" or "Democratic Deliberation"? // *Deliberation, Participation and Democracy Can the People Govern?* NY., 2007. P. 252-253.

национального государства⁴. Это централистское понимание суверенитета как высшей власти, покоящейся в одном органе государства, органе осуществляющем законодательную власть. В англоязычной литературе оно обозначается как «organ sovereignty»⁵. Мы будем переводить его «суверенитет органа».

Указанное понимание суверенитета порождает ряд проблем для демократии. Прежде всего, такое видение суверенитета не позволяет описать разнообразные формы народного участия в принятии коллективных решений (формы реализации свободы). Оно крайне скупо говорит о народе как о политическом акторе. Народ мыслится как изначальный источник власти, который, однако, навсегда отдает эту власть конкретному государственному органу и возвращает ее себе лишь изредка в дни выборов. В такой конструкции сложно помыслить иные центры принятия коллективных решений кроме парламента⁶.

Кроме того, концепция суверенитета органа не дает теоретических ресурсов для описания промежуточных инстанций, находящихся в пространстве между государством и индивидом. Традиция либеральной демократии подчеркивает важность наличия таких инстанций для сохранения народного контроля над государственными органами⁷. В противном случае государство, не будучи подотчетным населению, может попытаться ограничить свободу граждан (понимаемую в либеральной традиции прежде всего негативно).

Также идея суверенитета органа, сводя всю власть в единый законодательный орган, игнорирует запрос на самоуправление, исходящий от

⁴ Skinner, Q. *The State // Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge. 1989. P. 90-132.

⁵ Cohen, J.L. *Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. Cambridge, 2012. P. 26-29; Smolenski, J. *Challenging the Sovereign: Three Types of Early Modern Federal Theory // Politik*. 2016. Vol. 19, № 3. P. 12.

⁶ Fraser N. *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text*. 1990. Vo. 26, № 25. P. 74-76.

⁷ Levy, J. T. *Federalism, Liberalism, and the Separation of Loyalties // The American Political Science Review*. 2007. Vol. 101, № 3. P. 459-477.

сообществ, находящихся на территории одного государства и при этом объединенных определенной коллективной идентичностью⁸. Это могут быть сообщества, обладавшие ранее самостоятельной политией, но затем ставшие частью существующего государства. Это могут быть сообщества, не имевшие ранее свою политику, но определяющие себя через общность языка, ряд культурных институтов.

Наконец, принцип суверенитета органа не позволяет помыслить возникающие международные составные политии в рамках демократической теории⁹. Указанное понимание суверенитета приводит нас к дихотомии: либо суверенитет принадлежит национальному государственному органу, либо он принадлежит международной организации. В пределах такой схемы невозможно описать международную составную политику, отличную от государства, но имеющую самостоятельное существование, не сводимое к действию многостороннего международного договора. Тем более, в рамках указанной дихотомии невозможно определить демократические стандарты легитимности для такой международной политики.

Сегодня теоретики демократии обращаются к концепциям федерализма, чтобы преодолеть рассмотренные выше ограничения, заданные концепцией суверенитета органа. Ряд авторов видят в федерализме идею множественных центров принятия решений, которая позволяет подробно описать участие народа в принятии коллективных решений разного уровня¹⁰. Другие авторы подчеркивают возможности, которые предлагает федералистская традиция для описания промежуточных инстанций, позволяющих гражданам осуществлять контроль над центральным правительством¹¹. Часто к концепции федерализма обращаются, чтобы описать сферу самоуправления сообществ, объединенных коллективной

⁸ Norman W. *Negotiating Nationalism*. NY., 2006.

⁹ Cohen, J.L. *Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. Cambridge, 2012. P. 26-29

¹⁰ Amar, A.R. *Five Views of Federalism: Converse-1983 in Context* // *Vanderbilt Law Review*. 1994. Vol.47, P. 1229–1249.

¹¹ Elazar D.J. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa, 1987. P. 99-104.

идентичностью и находящихся на территории одного государства¹². Наконец, сегодня в традиции федерализма ищут теоретические ресурсы, чтобы сформулировать концепцию федералистских союзов, международных составных политий, и определить критерии легитимности решений таких политий¹³.

Обращение к идеям федерализма при решении рассмотренных выше проблем не является особенностью только сегодняшней демократической теории. На протяжении нескольких столетий теоретики демократии периодически возвращались к принципам федерализма, стремясь выйти за пределы концепции суверенитета органа. Заметим, что в течение XVIII в. и XIX в. предлагались самые разные теоретические ходы, позволявшие выйти за пределы концепции суверенитета органа. Некоторые из этих ходов были сделаны с опорой на идеал абстрактного государственного суверенитета¹⁴, некоторые — с опорой на идеал народного суверенитета¹⁵. Причем авторы, критиковавшие суверенитет органа с позиции народного суверенитета, зачастую обращались к принципу федерализма.

Одна федералистская логика — идущая от Юния Брута¹⁶, через Альтузия¹⁷ к Бакунину¹⁸ — защищая народный суверенитет и выступая против суверенитета органа, говорит об учредительной власти народа. Частные союзы создают ассоциации, которые в свою очередь объединяются в провинции, а те в свою очередь — в более крупные сообщества. Сегодня эту

¹² Norman W. *Negotiating Nationalism*. NY., 2006.

¹³ Beaud, O. *Théorie de la Fédération*. Paris, 2007; Cohen, J.L. *Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. Cambridge, 2012; Forsyth M. *Unions of States*. NY, 1981

¹⁴ Caldwell, Peter C. *Popular Sovereignty and the Crisis of German Constitutional Law*. Durham, 1997; Kelsen H. *General Theory of Law and the State*. Cambridge, MA, 1945; Carré de Malberg, R. *Contribution à La Théorie Générale de l'Etat* vol. 1. Paris. 2003.

¹⁵ Шмитт, К. *Государство и политическая форма*. М., 2010; Hamilton A., Madison J., Jay J. *The Federalist Papers*. NY., 2008.

¹⁶ Junius Brutus, the Celt, S. *Vindiciae, Contra Tyrannos: Or, Concerning the Legitimate Power of a Prince over the People, and of the People over a Prince*. Cambridge, 2003.

¹⁷ Althusius, J. *Política*. Indianapolis, 1995.

¹⁸ Бакунин М. А. *Избранные философские сочинения и письма*. М., 1987; Бакунин М. А. *Философия. Социология. Политика*. М., 1989.

логику продолжают Оливье Бо¹⁹ и Джин Коэн²⁰, которые говорят о государствах, объединяющихся в федеральные союзы, и о демосе, состоящем из демосов. В этой логике народный суверенитет понимается в первую очередь в категориях основания народами (или коммунами, провинциями в работах более ранних авторов) союзов, либо присоединения, выхода из уже существующих союзов. Иными словами, народный суверенитет понимается прежде всего как учредительная власть народа. С одной стороны, это позволяет говорить о том, что за составными частями федеральной политики сохраняется самостоятельность: они могут при определенных обстоятельствах покинуть федеральную политику, войти в состав иного союза. Конечно, такое положение дел отрицает абсолютистский принцип суверенитета органа. Вместе с тем, данная логика не слишком подробно описывает участие народа в принятии коллективных решений. Джин Коэн стремится выйти за эти ограничения. Народный суверенитет должен пониматься, согласно Коэн, негативно, в том смысле, что «...никакой агент, институция не могут «воплощать» народ или замещать место народа, и никакая зарубежная политика не может определять легальный или политический порядок суверенного государства. Наоборот, народный суверенитет остается действующим легитимирующим принципом, только если граждане могут участвовать в принятии коллективных решений через разнообразные представительные органы и процедуры на уровне составной политики и на уровне части составной политики...»²¹. Тем не менее, решение Коэн применимо прежде всего в рамках федерального союза. Как обращение к принципам федерализма позволяет описать участие народа в принятии коллективных решений, не ограничиваясь теми формами участия, что задаются идеей суверенитета органа? Возможно ли дать такое описание,

¹⁹ Beaud, O. *Théorie de la Fédération*. Paris, 2007

²⁰ Cohen, J.L. *Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. Cambridge, 2012;

²¹ Cohen, J.L. *Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. Cambridge, 2012. P. 155-156.

оставаясь в пределах модели единой федеральной политики, не состоящей из суверенных государств?

На эти вопросы отвечает другая федералистская логика, которую можно обнаружить как в «Федералисте»²², и текстах наследующих ему (среди которых труды одного из наиболее известных теоретиков федерализма XX в. Дэниела Элазара), так и в работах правоведов, занимающихся проблемами социологии права, прежде всего, в текстах Ойгена Эрлиха²³. Авторы «Федералиста», определяя статус штатов, входящих в состав США, воспользовались концепцией разделённого суверенитета, согласно которой народ передает часть суверенитета центральному правительству, а часть – правительствам штатов²⁴. Вместе с тем, оставалось не ясным, какой именно народ передает суверенитет: народ США или народы штатов. Впоследствии концепция разделенного суверенитета (вместе с описанной проблемой «передачи» суверенитета) стала общим местом для теоретиков федерализма XX в., в том числе для Элазара. Ойген Эрлих пишет о трех типах правопорядков – государственный правопорядок²⁵, правопорядок юристов²⁶ и «живое право» социальных союзов²⁷, находящихся на территории государства – которые сосуществуют в одной политике. Он доказывает, что у права не может быть одного источника (будь то воля народа или воля государства-юридического лица), что позитивное право государства часто является нормативным закреплением норм «живого права», существующего в социальных союзах. Таким образом, с одной стороны, эта федералистская логика отрицает монополию центрального правительства на правотворчество (как в случае «Федералиста» и традиции, связанной с ним, так и в случае Эрлиха) и, как следствие, возможность локализации суверенитета в едином органе. Вместе с тем, она

²² Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist Papers. NY., 2008.

²³ Эрлих, О. Основоположение социологии права. Спб., 2011.

²⁴ Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist Papers. NY., 2008. P. 192.

²⁵ Эрлих, О. Основоположение социологии права. Спб., 2011. С. 179.

²⁶ Там же, С. 414.

²⁷ Там же, С. 96.

не даёт окончательного ответа на вопрос о статусе центров власти, обладающих своим правом (будь то штаты или «социальные союзы»).

На наш взгляд, более последовательный ответ на вопрос о формах народного участия в рамках модели единой политики даёт поздняя концепция федерализма Жана-Жака Руссо. Эта концепция была предложена им в работе «Соображения об образе правления в Польше»²⁸. Во-первых, она показывает, как может быть реализован принцип федерализма в единой политике, не включающей суверенные государства. Во-вторых, эта федералистская модель почти ничего не говорит об учредительной власти народа, однако дает понимание того, как может быть устроено участие народа в принятии коллективных решений федеральной политики. Наконец, поздняя концепция федерализма Руссо объясняет, как может быть преодолен абсолютистский принцип суверенитета органа.

Чтобы обосновать наш тезис, мы должны будем совершить следующие шаги. Прежде всего, в первой главе мы подробнее рассмотрим абсолютистский принцип суверенитета органа и то, как политические теоретики стремились преодолеть его с опорой на концепции государственного суверенитета и народного суверенитета. В первом разделе этой главы мы рассмотрим в целом аргументы авторов, критиковавших суверенитет органа с позиций суверенитета как свойства государства-юридического лица, и аргументы теоретиков, выступавших против суверенитета органа с позиций народного суверенитета. Во втором разделе мы проанализируем, как авторы, критиковавшие абсолютистский принцип суверенитета органа с позиций народного суверенитета, обращались к принципу федерализма. В третьем разделе мы подробнее остановимся на проблеме двойного суверенитета, с которой столкнулась одна из двух федералистских логик, описанных во втором разделе.

²⁸ Руссо, Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. // Политические сочинения. Спб., 2013.

Во второй главе мы опишем нашу стратегию интерпретации текстов Руссо. Эта глава будет состоять из двух разделов. В первом разделе мы постараемся актуализировать и дополнить интерпретации политической философии Руссо, предложенные теоретиками делиберативной демократии. Надя Урбинати справедливо критикует Руссо за то, что в его трактате «Об общественном договоре» народ выполняет по преимуществу аккламационную функцию²⁹. Об этом же писал Ричард Фралин³⁰. Вместе с тем, теоретики делиберативной демократии подчеркивают важность идеала моральной свободы для Руссо. Моральная свобода требует, чтобы каждый гражданин был автором закона, которому он подчиняется. Именно благодаря этому идеалу политическая философия Руссо является сегодня теоретическим ресурсом для нормативных теорий делиберативной демократии, хотя последние одновременно отстаивают принцип совместного обсуждения гражданами коллективных решений, к которому Руссо в целом был равнодушен. Таким образом, в первом разделе второй главы мы обратимся к теоретикам делиберативной демократии, чтобы подчеркнуть тот аспект политической философии Руссо, в котором говорится о важности политического участия граждан в принятии коллективных решений.

Во втором разделе второй главы мы остановимся подробнее на различении двух политических языков в работах Руссо. Как мы покажем, в трактате «Об общественном договоре» Руссо одновременно присутствуют идиомы, характерные для политического языка гражданского республиканизма и политического языка теорий общественного договора. Сделав обзор этих идиом, мы подробнее остановимся на двух противоположных подходах к критике политического представительства, которые можно обнаружить в трактате Руссо.

²⁹ Urbinati N. Rousseau on the Risks of Representing the Sovereign // Politische Vierteljahresschrift. 2012. Vol. 53, №. 4. P. 655-656.

³⁰ Fralin, R. The Evolution of Rousseau's View of Representative Government // Political Theory. 1978. Vol. 6, №. 4. P. 530-531.

В третьей главе мы (опираясь на стратегию интерпретации, сформулированную во второй главе) опишем позднюю модель федерализма Руссо, которая, на наш взгляд, предлагает решение проблемы суверенитета органа (описанную в первой главе). В первом разделе третьей главы мы скажем несколько слов о политическом кризисе, в контексте которого формировалась ранняя модель федерализма Руссо, и обозначим особенности политического устройства Речи Посполитой, которые оказали влияние на позднюю модель федерализма Руссо, описанную в «Соображениях об образе правления в Польше». Во втором разделе мы обратимся к поздней модели федерализма и поговорим об особенностях статуса структурных частей федеральной политики (воеводств Речи Посполитой). В третьем разделе мы покажем, что в «Соображениях об образе правления в Польше» доминирует язык теорий гражданского республиканизма. Во-первых, это приводит к переформулированию базовых проблем, о которых пишет Руссо. Основной для него становится проблема коррупции республики. Во-вторых, это приводит к смещению акцента с учредительной функции народа на функцию по отправлению власти. Это позволяет Руссо лучше прописать схемы реализации моральной свободы, о которой говорилось в трактате «Об общественном договоре» лишь как о принципе. В-третьих, преодолении коррупции и осуществление моральной свободы Руссо связывает с работой институтов федерализма.

Теперь сформулируем положения, выносимые на защиту.

1. Можно выделить две федералистские логики, с опорой на которые авторы, защищавшие народный суверенитет, критиковали принцип суверенитета органа. Одна из них говорит прежде всего об учредительной власти народа. Другая – о множестве правопорядков в рамках единой политики. При этом крайняя федералистская логика сталкивается с рядом проблем, когда описывает статус центров власти, обладающих своим

правопорядком. Поздняя теория федерализма Руссо лишена такого недостатка. Она не только даёт непротиворечивое описание статуса центров власти в рамках единой федеральной политики, но и подробно объясняет, как возможно принятие коллективных решений народом в такой политике. Это в свою очередь позволяет увидеть в работах Руссо теоретический ресурс для демократов, которые сегодня с опорой на принципы федерализма стремятся описать разнообразные формы народного участия (реализации свободы), выходящие за пределы ограничений, заданных концепцией суверенитета органа

2. Мы разграничиваем две теории федерализма Руссо. В ранней теории федерализма Руссо называет конфедерацией ассоциации суверенных государств. В поздней теории федерализма Руссо называет федерацией уже не союз государств, но особую составную политику

3. Поздняя теория федерализма Руссо позволяла сохранить идеал народного суверенитета и преодолеть абсолютистский принцип суверенитета органа

4. Несмотря на то что народное участие в трактате «Об общественном договоре» сводится в сущности к аккламации, Руссо в этом же трактате предложил принцип моральной свободы, с опорой на который возможно обосновать активное участие граждан в принятии коллективных решений

5. Поздняя теория федерализма Руссо выполняла три функции: она описывала, как может быть реализован принцип моральной свободы в федеральной политике, она описывала статус центров принятия решений в федеральной политике, она должна была способствовать преодолению коррупции депутатов представительного органа.

Историографический обзор

Очертим общие контуры критической литературы, с которой мы работали в ходе написания диссертации. Разумеется, мы назовем здесь лишь ряд ключевых текстов, полный обзор литературы потребовал бы куда больше места. В первую очередь упомянем несколько обзорных работ, которые являются на сегодняшний день базовыми для исследователей политической философии Руссо: книга Робера Дерате «Жан-Жак Руссо и политическая наука его времени» (обширный и скрупулёзный анализ текстов Руссо в контексте работ теоретиков естественного права, Гроция, Пуффендорфа, Бурламака и других)³¹, книга Роджера Мастерса «Политическая философия Руссо» (последовательный разбор политических сочинений Руссо в порядке, рекомендованном самим Руссо)³², книга Джудит Шкляр «Человек и гражданин: исследование социальной теории Руссо» (о несовместимости двух проектов реформ Руссо: морального и политического)³³, эссе Эрнста Кассирера «Кант и Руссо» (прочтение Руссо как предвестника работ Канта)³⁴.

Конечно, в каждой из этих работ рассматривается вопрос общей воли (крайне важный и для нашего исследования). Однако есть ряд критических работ полностью посвященных этому понятию. В первую очередь это статьи и книга Патрика Райли.³⁵ Райли помещает понятие общей воли в контекст теологических споров конца XVII в. и объясняет, как Руссо, намеренно обратившись к теологическому дискурсу, «секуляризовал» это понятие, поместив его в контекст теорий общественного договора. Бернанд Грофман и Скот Фелд предлагают смотреть на общую волю как на предвосхищение

³¹ Derathé, R. Jean-Jacques Rousseau et la science politique de son temps. Paris, 1950.

³² Masters, R. D. The Political Philosophy of Rousseau. Princeton, 1968.

³³ Shklar, J. N. Man and Citizens. London, 1969.

³⁴ Cassirer, E. Rousseau, Kant, Goethe. Two Essays. Princeton, 1970.

³⁵ Riley, P. A Possible Explanation of Rousseau's General Will // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64, №. 1. P. 86-97.; Riley, P. Rousseau as a Theorist of National and International Federalism // Publius: The Journal of Federalism. 1973. Vol. 3.; Riley, P. The General Will before Rousseau. The Transformation of the Divine into the Civic. Princeton, 1986.

идеи Кондорсе о разумности коллективных решений³⁶. Кристофер Бертрам обращает внимание на то, что Руссо говорит об общей воле по-разному: как о продукте коллективного решения и как о свойстве политического сообщества³⁷. Фредерик Нойхайзуер замечает, что общая воля для Руссо это одновременно и объективные условия свободы, и реализация свободы³⁸.

Благодаря известной работе Исаяи Берлина «Два понимания свободы» за Руссо на некоторое время закрепились репутация врага негативной свободы³⁹. Если мы обратимся к знаменитой лекции Бенжамена Констана, то увидим, что он трактует свободу у Руссо как «коллективное, но прямое осуществление нескольких функций верховной власти, взятой в целом, обсуждение в общественном месте вопросов войны и мира, заключение союзов с чужеземцами, голосование законов, вынесение приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнародования, а также осуждения или оправдания их действий» (Констан, 1993)⁴⁰. Именно на эту интерпретацию опирается Берлин. Причем согласно Берлину, такая «позитивная» свобода не просто разрушает негативную свободу, но вызывает к жизни диктатуру большинства. Вместе с тем, сегодня многие интерпретаторы считают, что Руссо предложил концепцию позитивной свободы, которая имеет мало общего с гнетущими образами якобинской диктатуры и террора, но наполняет политическую жизнь забытыми

³⁶ Grofman, B. & Feld, S. Rousseau's General Will: A Condorcetian Perspective // The American Political Science Review. 1989. Vol. 82, №. 6. P. 567-576.

³⁷ Bertram, C. Rousseau's Legacy in Two Conceptions of the General Will: Democratic and Transcendent // The Review of Politics. 2012. Vol. 74, P. 403-419.

³⁸ Neuhausser, F. Freedom, Dependence, and the General Will // The Philosophical Review. 1993. Vol. 102, №. 7.

³⁹ Берлин, И. Два понимания свободы. // Философия свободы. Европа. Москва, 2001.

⁴⁰ Констан, Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. Политические исследования. 1993. № 3.

смыслами⁴¹. Кроме того, некоторые исследователи убеждены, что Руссо защищал также негативную свободу⁴².

Две другие, важные для нас, тесно связанные темы – критика политической репрезентации и различие между сувереном и правительством. Франк Марини обращает внимание на то, что Руссо, проводя различие между сувереном и правительством, в сущности принимает представительное правление, когда речь заходит о представительстве исполнительной власти (Marini, 1967)⁴³. Брайан Гарстен развивает этот аргумент, замечая, что Руссо был противником прямой демократии, где народ не только принимает, но и исполняет решения (Garsten, 2009)⁴⁴. Ричард Фралин, возвращаясь к вопросу о законодательной власти, пишет, что Руссо в итоге согласился на представительство и в этом случае из прагматических соображений⁴⁵. С этим спорит Робин Дуглас, утверждая, что, согласно Руссо, представительный законодательный орган означал для народа потерю коллективной свободы и прекращение существования в качестве народа⁴⁶. Надя Урбинати также придерживается позиции, что для Руссо критика репрезентации носила принципиальный характер⁴⁷. Однако она это объясняет сходством между концепцией народного суверена Руссо и концепцией суверена Бодена. Роберт Воклер,

⁴¹ Cohen, J. *Rousseau. A Free Community of Equals*. New York, 2010.; Wokler, R. *Rousseau, the Age of Enlightenment, and Their Legacies*. Princeton, 2012.; Plamenatz, J. *Machiavelli, Hobbes, and Rousseau*. Oxford, 2012.

⁴² Neuhaus, F. *Freedom, Dependence, and the General Will* // *The Philosophical Review*. 1993. Vol. 102, №. 7.; Wokler, R. *Rousseau, the Age of Enlightenment, and Their Legacies*. Princeton, 2012.

⁴³ Marini, F. *Popular Sovereignty but Representative Government: the Other Rousseau* // *Political Science*. 1967. Vol. 11. №. 4. P. 451-470.

⁴⁴ Garsten, B. *Representative government and popular sovereignty* // *Political Representation*. Cambridge, 2009.

⁴⁵ Fralin, R. *The Evolution of Rousseau's View of Representative Government* // *Political Theory*. 1978. Vol. 6, №. 4. P. 517-536.

⁴⁶ Douglass, R. *Rousseau's Critique of Representative Sovereignty: Principled or Pragmatic?* // *American Journal of Political Science*. 2013. Vol. 57. P. 735-747.

⁴⁷ Urbinati, N. *Rousseau on the Risks of Representing the Sovereign* // *Politische Vierteljahresschrift*. 2012. Vol. 53, №. 4. P. 646-667.

также соглашаясь с принципиальным характером критики Руссо, все же склонен проводить различие между сувереном Руссо и сувереном Бодена⁴⁸.

Теперь приблизимся к концепции федерации. К сожалению, существующие подходы к интерпретации политических работ Руссо часто не позволяют увидеть различие между текстами, в которых он развивает идеи аббата Сен-Пьера, и трактатом «Соображения об образе правления в Польше»⁴⁹. Вместе с тем, именно понимание этих отличий позволит нам увидеть в работе, посвященной устройству Польши, модель федеративного государства, которая, на наш взгляд, представляет альтернативу концепции двойного суверенитета. Таким образом, сначала мы разберем существующие подходы к интерпретации федеративных проектов Руссо, а затем предложим собственное прочтение, в котором акцент делается на отличии федеративного проекта, предложенного в «Соображениях об образе правления в Польше» от проекта, основанного на критике и развитии идей аббата Сен-Пьера.

Согласно Пьеру Хасснеру, который в свою очередь следует за Стэнли Хофманом и Жозефом Винденбергом, Руссо рассматривает федерализм как инструмент для преодоления проблемы «смешанного состояния»⁵⁰. Хасснер, опираясь на работы Руссо «Эмиль» и «Состояние войны», объясняет, что эта проблема — следствие естественного состояния, в котором пребывают существующие политические сообщества. С одной стороны индивид, вступая в гражданское состояние, приобретает гражданскую свободу. С другой стороны, становясь членом государства, индивид как член суверена оказывается в естественном состоянии по отношению к гражданам других государств. Между государствами продолжается состояние войны всех

⁴⁸ Wokler, R. Rousseau, the Age of Enlightenment, and Their Legacies. Princeton, 2012

⁴⁹ Roosevelt, G. G. Reconstruction of Rousseau's Fragments on the State of War // History of Political Thought. 1987. Vol. 8, №. 2. P. 225-244.; Hassner, P. Rousseau and the Theory and Practice of International Relations // The Legacy of Rousseau. Chicago, 1997.; Pattner M.F. Rousseau and the Origins of Nationalism // The Legacy of Rousseau. Chicago, 1997.; Cullen, D. E. Jean-Jacques Rousseau and the Case against (and for) Federalism // The Ashgate Research Companion to Federalism. Farnham, 2009.

⁵⁰ Hassner, P. Rousseau and the Theory and Practice of International Relations. P. 204.

против всех. Гражданин, таким образом, в любой момент рискует потерять все преимущества свободы, приобретенной в гражданском состоянии. Именно эту ситуацию Руссо называет «смешанным состоянием». Согласно Хасснеру, данную проблему и должна была решить теория федерализма. Руссо вслед за Аббатом Сан-Пьером рассуждал о европейской федерации, способной обеспечить полное отсутствие войн на территории Европы. Также Хасснер, интерпретируя фрагмент из Эмилия, добавляет, что Руссо говорил не только о единой европейской федерации, но о множестве федераций, своеобразных «островах безопасности».

Проблема однако в том, что, концентрируясь лишь на проблеме «смешанного состояния», мы будем говорить о федерализме Руссо исключительно как о теории международных отношений. О Польской федерации Хасснер упоминает лишь вскользь, рассуждая о принципиальной проблеме федеральной концепции Руссо: несовместимость теории гражданства Руссо с идеей «двойной лояльности», свойственной федерации. Польская федерация, согласно Хасснеру, напоминает куда больше национальное государство с единой системой гражданства и патриотического воспитания, в то время как федерации, основанные как оборонительные союзы, наоборот, не могут предложить единого гражданства и «единой связи», основанной на общих законах. Таким образом, Хасснер, с одной стороны, замечает несовместимость патриотизма малых республик с идеей федерации как межгосударственного союза. С другой стороны, он не объясняет особенности концепции, стоящей за Польской федерацией, замечая лишь, что в отличие от федераций, обеспечивающих военную безопасность, Польша является по сути национальным государством.

Дэниел Каллин, следуя за Хасснером, прослеживает, как Руссо решает проблему «смешанного состояния», когда гражданская община вместо защиты предлагает своим гражданам, отказавшимся ранее от естественной свободы, стать участниками бесконечных войн с другими гражданскими

общинами⁵¹. Также как и Хасснер, Каллин утверждает, что Руссо сформулировал концепцию федерации прежде всего в ответ на данную проблему. Вместе с тем, споря с Хасснером, Каллин развивает следующий аргумент: патриотизм, о котором Руссо рассуждает в ряде своих произведений, не является препятствием для федерализма. «Культурный национализм» отступает перед национализмом политическим. Последний основан не на «дополитической» идентичности, но на следовании общей воле. Именно политический национализм Руссо предлагает укрепить в Польше. Политический национализм позволит преодолеть национализм культурный, имеющий свое основание в отождествлении граждан со своими воеводствами. Иными словами, разнообразие воеводств не будет препятствием для установления общепольского гражданства, региональные органы будут способны следовать федеральному закону, и идентификация граждан с воеводством уступит в конечном счете их идентификации с нацией.

Стремясь показать совместимость федерализма и патриотизма, Каллин как и Хасснер, упускает особенность федеративной концепции, стоящей за Польским проектом Руссо. В самом деле, патриотическое воспитание должно было по замыслу Руссо дать польским воеводствам некоторое связующее звено, общую гражданскую добродетель. Однако зачем нужно было в принципе создавать проблему с множественными воеводствами, чтобы решать ее общим патриотическим воспитанием? Или иначе: почему нельзя было просто предложить полякам ввести систему общего патриотического воспитания без сомнительной «федерализации»?

Кроме того, как замечает Патрик Райли, Руссо настаивал на том, что общепольское законодательство обеспечивает подчинение воеводств всей республике⁵². Иными словами, между Польской республикой и воеводствами можно наблюдать отношения субординации, но не отношения равенства. Как

⁵¹ Cullen, D. E. Jean-Jacques Rousseau and the Case against (and for) Federalism. P. 139.

⁵² Riley, P. Rousseau as a Theorist of National and International Federalism. P. 11

этот ход может сочетаться с идеей конфедерации как договора равных субъектов, суверенных государств, заявленной Руссо в более ранних работах?

Таким образом, существующие подходы к объяснению федерального проекта Руссо сфокусированы на проблеме «смешанного состояния», которую «гражданин Женевы» стремился решить, ориентируясь на схему аббата Сен-Пьера⁵³. Конечно, Руссо расходился с аббатом по ряду принципиальных положений. В частности, он обвинял Сан-Пьера в наивности, поскольку последний верил в готовность европейских правителей создать общеевропейскую конфедерацию для защиты общих интересов. Однако саму идею конфедерации, подразумевающую добровольный союз суверенных государств, основанный на договоре, и предназначенный для сохранения общей безопасности, Руссо не только принял, но и начал встраивать в собственные политические сочинения. Вместе с тем, уделяя внимание лишь этой стороне федерального проекта Руссо, сосредотачиваясь только на проблеме «смешанного состояния», мы не сможем увидеть и объяснить особенности схемы, предложенной Руссо для Польши.

⁵³ Rousseau, J.-J. Extrait du Projet de Paix Perpétuelle de Monsieur L'Abbé de Saint-Pierre // Collection Complète Des Œuvres De J.J. Rousseau. Geneve, 1782.

Исследовательская методология

1. Следуя аргументу Шелдона Волина, мы будем принимать во внимание контекст политического кризиса, на фоне которого создавалась ранняя модель федерализма Руссо⁵⁴.

К середине XVII в. теории внешнего суверенитета и международных отношений усилили позиции национальных государств в конкуренции с иными политическими образованиями средневековья. К французской революции большое число корпоративных структур средневековья было серьезно ослаблено, либо насильно разделено на множество «настоящих» субъектов международного права, обладающих суверенитетом. Средневековая идея «сообщества, собранного из малых сообществ», была дискредитирована.

Модель национального государства стала образцом, с которым сравнивали любое другое сообщество. Последнее могло быть отнесено либо к категории национальных государств, либо к категории союзов национальных государств. Долгое время некоторые сообщества упорно не поддавались данной классификации. Среди них были Священная Римская империя, Республика соединённых провинций (Нидерланды), Швейцария, Речь Посполитая, ряд вольных городов и другие политии. Проблема, согласно Райли, состояла в том, что эти сообщества начали описываться политическими теоретиками на языке национального суверенитета, что было выгодно Англии и Франции, однако не позволяло объяснить особую природу указанных политий⁵⁵.

Эта тенденция была усилена участниками самих этих сообществ: провинциями, кантонами, городами, которые стремились, используя понятие суверенитета, указать на собственную независимость от Испанского короля,

⁵⁴ Wolin, S. S. Political Theory as a Vocation // The American Political Science Review. 1969. Vol. 63.

⁵⁵ Riley, P. The Origins of Federal Theory in International Relations Ideas // Polity. 1973. Vol. 6, №. 1. P. 87-121.;

Императора и т.д. Важно заметить, однако, что идея суверенитета не предполагала возможности разделять верховную власть территориально между центром и провинциями. Получалось, что центральное правительство в таких сложных политиях начинало восприниматься как собрание послов суверенных государств. Именно в этот момент, согласно Райли, родилась идея «внутреннего» федерального правления⁵⁶. Латинский термин «foedus», который использовался для описания международных договоров, стал использоваться также для описания сообществ, которые, с одной стороны, нельзя было описать как централизованные государства; в которых при этом власть де-факто была территориально разделена; и которые, с другой стороны, не могли быть описаны с помощью концепции территориального разделения власти. Последнее было невозможно из-за обозначенной выше тенденции в политической теории кодировать политии лишь с помощью языка суверенитета, а также из-за желания составных частей сложных политий защитить свою автономию с помощью этого же языка суверенитета.

В итоге политические теоретики перестали проводить различие между федеральными правлениями Швейцарии, Нидерландов, Священной Римской империи и ассоциациями государств, основанных на международных договорах (также именуемыми «foedus»), в том числе проектами «федеральной» Европы, конфедерациями, целью которых было установление и поддержание мира в отношениях между суверенными государствами. Иными словами, были стерты как терминологическая, так и понятийная границы между национальными федеральными правлениями и конфедерациями как ассоциациями независимых государств.

2. Интерпретируя тексты Руссо, мы также будем проводить различие между языком теорий общественного договора и языком теорий классического республиканизма, которые часто пересекаются в аргументах «гражданина Женевы».

⁵⁶ Riley, P. The Origins of Federal Theory in International Relations Ideas P. 106.

Квентин Скиннер в своей статье «Meaning and understanding in the history of ideas» пишет, что для понимания действия автора, для понимая заявления, которое он делает своим текстом, нам необходимо обратиться к интенции автора⁵⁷. Согласно Скиннеру, существует два вида авторских интенций: «intention to do smth» и «intention in doing smth»⁵⁸. Скиннер делает акцент на последнем виде. Используя теорию Джона Остина, Скиннер рассматривает текст автора как высказывание, обладающее иллюкутивной силой, то есть способностью совершать определенное действие⁵⁹. Именно «intention in doing smth» связывается им с иллюкутивной силой высказывания автора. Таким образом, Скиннер уделяет особое внимание полемическому контексту (или языковому контексту), в котором автор посредством текста совершает определенное действие в ходе полемики с другими авторами.

Кроме того, мы будем опираться на методологию, описанную Джоном Пококом в статье «The State of the art». Покок говорит о политических языках, используемых авторами, для участия в полемике с другими авторами⁶⁰. Под политическим языком он понимает набор понятий (идиом), связанных в структуру, и подразумевающих определенный тип аргументации. В рамках одного текста может быть использован один язык, либо переплетаться сразу несколько категориальных сеток. Автор, создавая определенный текст, может следовать конвенциям, заложенным в конкретной системе понятий, а может нарушить некоторые из её конвенций и привнести изменения в сам язык. Поиск таких изменений, согласно Пококу, позволяет ответить на вопрос, «что делал автор», создавая данный текст⁶¹.

⁵⁷ Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8, № 1. P. 45.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid. P.46.

⁶⁰ Покок Г.А. Дж. The state of the art // Кембриджская школа (Интеллектуальная история). Москва, 2015. С. 144.

⁶¹ Там же, С. 149.

Маурицио Вироли и Кит Бейкер замечают, что Руссо в трактате «Об общественном договоре» использовал два разных политических языка, чтобы решить две разные задачи. Во-первых, Руссо использовал язык теорий общественного договора, чтобы обосновать легитимность республиканского устройства. Во-вторых, Руссо прибегал к языку теорий классического республиканизма, чтобы ответить на вопрос, как возможно сохранить политическую общность. С одной стороны, Руссо, опираясь на концепцию общественного договора, говорил об общей воле как об абстрактной сущности, возникающей после добровольного вступления отдельных индивидов в общественный договор. Эта концепция «абстрактной» общей воли, основанная на аналогии с волей индивидуальной личности, позволяла Руссо обосновать право народа на непосредственное участие в принятии законов, как уже говорилось в предыдущем разделе. С другой стороны, решая проблему сохранения политической общности, Руссо говорил о законодателе, о гражданской религии. В этом случае он рассматривал общую волю как результат процесса самоотождествления граждан с политической общностью. Более того, как показал Ден Эдельстайн, в трактате «Об общественном договоре» понятие гражданской добродетели фактически сливается с понятием общей воли⁶².

Таким образом, мы считаем, что в работах Руссо можно обнаружить несколько политических языков: язык теорий общественного договора, язык гражданского республиканизма. Наличие нескольких политических языков в трактатах приводит к тому, что базовые проблемы политической философии Руссо могут быть сформулированы сразу на двух этих языках.

⁶² Шаблинский А.И. О доверии представителям: почему Жан-Жак Руссо согласился на представительное правление, или как общая воля уступила федерализму // Полития. 2020. Том 98, №. 3. С. 82-98.

Краткий обзор основных аргументов

Моральная свобода

Ричард Фралин и Надя Урбинати, последовательно реконструируя одну из логик, заложенных в трактате «Об общественном договоре»⁶³, упускают из вида другую, не менее важную линию аргументации Руссо. Эта линия обосновывает не статус народа как коллективной личности, но статус гражданина республики. Этот статус основан на идее моральной свободы. Согласно Руссо, гражданин обладает моральной свободой, когда подчиняется закону, который сам для себя установил⁶⁴. Кроме того, рассуждение Фралина об отсутствии теоретических оснований для критики представительства в политической философии Руссо не будут казаться столь однозначными, если мы примем во внимание принцип моральной свободы, предложенный Руссо.

Джошуа Коэн пишет о важности содержательного аспекта моральной свободы, то есть о соответствии закона, принятого на всеобщей ассамблее, общей воле, которая является особой личностной структурой и принадлежит каждому гражданину⁶⁵. Мы стараемся показать, что этого соответствия недостаточно для осуществления моральной свободы: без определенной процедуры – прямого участия всех граждан – невозможно считать, что закон исходит от коллективной личности, суверена, и отражает общую волю. Следовательно, без прямой демократии гражданин, подчиняясь закону, может попасть в ситуацию доминирования, когда он подчиняется вовсе не общей воле, но воле частной группы

Мы формулируем нашу позицию с опорой на аргумент Фредерика Нойхаузера. Нойхаузер считает, что моральная свобода – это элемент

⁶³ Fralin, R. The Evolution of Rousseau's View of Representative Government // Political Theory. 1978. Vol. 6, №. 4. P. 530-531; Urbinati N. Rousseau on the Risks of Representing the Sovereign» // Politische Vierteljahresschrift. 2012. Vol. 53, №. 4. P. 655-656.

⁶⁴ Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре // Об общественном договоре, трактаты. М., 1998. С. 212-213.

⁶⁵ Cohen, J. Rousseau: A Free Community of Equals. NY, 2010. P. 23.

свободы как отсутствия доминирования⁶⁶. Говоря о свободе как об отсутствии доминирования, Нойхаузер имеет в виду идеал подчинения личности только своей индивидуальной воле. В таком случае моральная свобода состоит в непосредственном участии каждого в принятии закона: только это позволит осуществить впоследствии идеал подчинения своей индивидуальной воле. Мы согласны с Нойхаузером в том, что свобода как отсутствие доминирования требует от гражданина подчиняться только своей воле. Однако мы не согласны с тем, что речь идет лишь об индивидуальной воле гражданина. Вспомним, что на ассамблеях, согласно Руссо, граждане голосуют не в соответствии со своей индивидуальной волей, но в соответствии с общей волей, которая присуща им так же, как и индивидуальная. Мы показываем, что идеал отсутствия доминирования соблюдается, когда человек подчиняется и «своей» общей воле. Более того, для соблюдения этого идеала нужно, как в случае и с индивидуальной волей, чтобы общая воля исходила лично от каждого гражданина. Следовательно, требование о том, чтобы гражданин лично участвовал в принятии закона, о том, чтобы приказ воли исходил лично от гражданина, сохраняется.

Таким образом, в трактате «Об общественном договоре» мы можем найти две линии аргументации, обосновывающие участие народа в принятии коллективных решений. Первая линия, справедливо критикуемая Ричардом Фралиным и Надей Урбинати, сводит народное участие к аккламации. В самом деле, процедура голосования на ассамблее не подразумевает коллективного обсуждения выносимых на голосование вопросов. Кроме того, сами эти вопросы выносятся на голосование магистратами. Народ лишен права на законодательную инициативу. Необходимость народного голосования обосновывается Руссо, как мы покажем во втором разделе II главы, с опорой на идею коллективной свободы народа. Проблема в том, что

⁶⁶ Neuhauser, F. Rousseau's Critique of Inequality: Reconstructing the Second Discourse. Cambridge, 2014. P. 125

эта коллективная свобода вовсе не подразумевает активных форм участия граждан в законотворчестве помимо аккламации.

Вместе с тем, в трактате «Об общественном договоре» существует и вторая линия аргументации, обосновывающая необходимость народного участия в коллективном принятии решений. Она берет свое начало в принципе моральной свободы, которая «делает человека действительным хозяином самому себе; ибо...подчиняться закону который ты сам для себя установил, есть свобода». Этот нормативный идеал указывает на необходимость личного участия гражданина в принятии коллективных решений. Он несовместим с представительным правлением. Вместе с тем, моральная свобода не требует с необходимостью такой формы участия как аккламация. Этим данный принцип привлекателен сегодняшним теоретикам делиберативной демократии⁶⁷. По этой же причине моральная свобода важна и для наших исследовательских целей. Как мы покажем в дальнейшем, разнообразные формы народного участия в поздней модели федерализма Руссо будут связаны с попыткой «гражданина Женевы» предложить различные формы реализации моральной свободы.

Пересечение политических языков в трактате «Об общественном договоре»

Во II главе мы также показываем, что в работах Руссо можно обнаружить несколько политических языков: язык теорий общественного договора, язык гражданского республиканизма. Кит Бейкер и Маурицио Вироли замечают, что Руссо в трактате «Об общественном договоре» использовал два разных политических языка, чтобы решить две разных задачи. Во-первых, Руссо использовал язык теорий общественного договора, чтобы обосновать легитимность республиканского устройства. Во-вторых, Руссо прибегал к языку теорий гражданского республиканизма, чтобы

⁶⁷ При этом важно признать, что в самой концепции моральной свободы, конечно, не заложен идеал рациональной делиберативной процедуры.

ответить на вопрос, как возможно сохранить политическую общность⁶⁸. С одной стороны, Руссо, опираясь на концепцию общественного договора, говорил об общей воле как об абстрактной сущности, возникающей после добровольного вступления отдельных индивидов в общественный договор. Эта концепция абстрактной общей воли позволяла Руссо обосновать право народа на непосредственное участие в принятии законов. С другой стороны, решая проблему сохранения политической общности, Руссо говорил о законодателе, о гражданской религии. В этом случае он рассматривал общую волю как результат процесса самоотождествления граждан с политической общностью⁶⁹.

Мы не можем сказать, что понятие «общая воля» пришло из языка гражданского республиканизма. Однако мы можем предположить, что в некоторых случаях по содержанию оно близко к понятию гражданской добродетели. Как пишет Ден Эдельштейн, в работах «Дискурс о науках и искусствах» и «Дискурс о происхождении неравенства» Руссо употребляет термин “vertu[s]” 35 и 31 раз соответственно. В трактате «Об общественном договоре» этот термин появляется всего 6 раз, в том числе в устойчивом выражении “en vertu de,” и в предложении, где “vertu[s]” является частью цитаты из Монтескье. Эдельштейн полагает, что в более позднем произведении понятие гражданской добродетели фактически включается в содержание понятия «общая воля».⁷⁰ В 3 главе мы развиваем и усиливаем аргумент Бейкера, Эдельштейна и Вироли. Мы уточняем, какие именно теоретические роли понятие общей воли выполняет в трактате «Об общественном договоре», когда появляется в контексте идиом гражданского республиканизма, с одной стороны, и в контексте идиом теорий общественного договора, с другой стороны.

⁶⁸ Viroli, M., Jean-Jacques Rousseau and the 'well-ordered society'. P. 13.; Baker, K. M. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France. P. 41-42.

⁶⁹ Baker, K. M. Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France. P.42.

⁷⁰ Edelstein, D. The Terror of Natural Right. Republicanism, the Cult of Nature, and the French Revolution. Chicago, 2009. P. 80-81.

Общая воля как абстрактная сущность есть атрибут народа, коллективного лица. В этом контексте наиболее очевидно использование Руссо языка теорий общественного договора. Общая воля вместе с коллективной личностью, народом, рождаются из общественного соглашения. Народ есть коллективная личность, а общая воля – его атрибут, «сила всеобщая и побудительная, дабы двигать и управлять каждой частью наиболее удобным для целого способом». Вместе с тем, Руссо пишет про общую волю и как про личностную структуру индивида. В этом контексте Руссо ставит проблему «просвещения» общей воли, а также стремится склонить индивида общей воле следовать. Две эти задачи, а также способы их решения, предложенные в трактате, формулируются на языке гражданского республиканизма.

Федерализмы Руссо

В третьей главе нашего исследования мы говорим о том, что Руссо предлагает несколько концепций федерализма. В более ранних работах – в «Эмиле» и в «Сокращении проекта вечного мира...» – Руссо писал о конфедерации как о союзе независимых государств. Главной задачей этого союза было предотвращение войн между его членами и обеспечение таким образом свободы граждан этих государств. Мы показали, что данную концепцию федерализма Руссо следует рассматривать в контексте набирающих силу теорий международных отношений. Коротко обозначим его здесь.

Концепция суверенитета, набравшая силу к XVII в., легла в основу совершенно нового конгломерата идей, собранных под термином «международные отношения». Жан Боден в XVI в. не только откажет в существовании *Res publica Christiana*, не только будет оспаривать Римское *jus gentium*, но также начнет формулировать теорию международных отношений, основанную на договорах между независимыми сторонами

(национальными государствами)⁷¹. Томас Гоббс пойдет в этом же теоретическом направлении, заявив, что справедливость может иметь место лишь в рамках отдельного государства. В то же время отношения между отдельными государствами аналогичны отношениям между людьми в естественном состоянии⁷². Они не связаны *jus gentium* и не подчиняются *Res publica Christiana*. Лишь воля конкретного государства, аналогично воле конкретного индивида, может связать его обязательством.

Таким образом, было положено начало доктрине международных отношений нового времени. Её идейные основания — национальное государство как единственная легитимная политическая единица; отношения между этими государствами, основанные на договорах. Воля, не разум полагалась основанием политического обязательства. Следовательно, государство могло быть ограничено лишь тем же образом, что и индивид в процессе заключения общественного договора: посредством собственного согласия. Наконец, к этому добавлялась идея равного правового статуса всех государств.

Теории внешнего суверенитета и международных отношений усилили позиции национальных государств в конкуренции с иными политическими образованиями средневековья. К французской революции большое число корпоративных структур средневековья было серьезно ослаблено либо насильно разделено на множество «настоящих» субъектов международного права, обладающих суверенитетом. Средневековая идея «сообщества, собранного из малых сообществ», была дискредитирована⁷³.

Модель национального государства стала образцом, с которым сравнивали любое другое сообщество. Последнее могло быть отнесено либо к категории национальных государств, либо к категории союзов национальных государств. Долгое время некоторые сообщества упорно не поддавались данной классификации. Среди них были Священная Римская

⁷¹ Riley, P. The Origins of Federal Theory in International Relations Ideas P. 104-105.

⁷² Ibid. P. 103-104.

⁷³ Ibid. P. 105.

империя, Республика соединённых провинций (Нидерланды), Швейцария, Речь Посполитая, ряд вольных городов и другие политии. Проблема, согласно Патрику Райли, состояла в том, что эти сообщества начали описываться политическими теоретиками на языке национального суверенитета, что было выгодно Англии и Франции, однако не позволяло объяснить особую природу указанных политий⁷⁴.

В итоге политические теоретики перестали проводить различие между федеральными правлениями Швейцарии, Нидерландов, Священной Римской империи и ассоциациями государств, основанных на международных договорах (также именуемыми «foedus»), в том числе проектами «федеральной» Европы, конфедерациями, целью которых было установление и поддержание мира в отношениях между суверенными государствами. Иными словами, были стерты как терминологическая, так и понятийная границы между национальными федеральными правлениями и конфедерациями как ассоциациями независимых государств.

Этот контекст позволяет нам лучше понять, почему Руссо использовал для описания концепции вечного мира, основанной на идеях аббата Сен-Пьера, и для описания составной политии, Речи Посполитой, одни и те же термины: федерация, конфедерация, федеративная форма. Руссо фактически следовал сложившейся тенденции словоупотребления, в рамках которой модели вечного мира обозначались «конфедерациями» так же, как и модели составных политий.

Можно заметить, как в «Сокращении проекта вечного мира...» Руссо, предложив народам Европы межгосударственный союз, конфедерацию, в качестве решения проблемы войн, тут же добавляет, что аналогичные союзы уже можно обнаружить в Европе. К ним он относит Республику соединённых провинций («Генеральные штаты»), Священную Римскую империю («сообщества германских государств») и Швейцарию («Гельветическую

⁷⁴ Ibid. P. 105-106.

лигу») ⁷⁵. Следовательно, этот текст довольно хорошо иллюстрирует логику, обозначенную нами выше: политические теоретики XVII-XVIII вв. фактически перестали проводить не только терминологическую, но и понятийную границы между «внутренними» федеральными правлениями и конфедерациями как ассоциациями независимых государств. Эту же логику мы обнаруживаем в «Эмиле», где Руссо набрасывает план так и не написанных «Политических институций»⁷⁶.

В «Соображениях об образе правления в Польше», Руссо по-прежнему использует термин федерация, но теперь уже не считает части составной политики суверенными государствами. Этим его позиция отличается от существовавших на тот момент подходов в теории международных отношений. В тексте, посвященном Польше, мы имеем дело с иной концепцией федерализма, вдохновленной не теорией международных отношений, но особым разделением власти между сеймом Речи Посполитой и сеймиками воеводств. Главная особенность этой более поздней концепции федерализма Руссо заключается в том, что она не признает суверенитет за составными частями федеральной политики. Вместе с тем, она дает теоретические ресурсы для непротиворечивого описания самоуправления этих составных частей.

Разделение власти в Речи Посполитой и «воли Нации»

Далее в III главе мы прослеживаем, как Руссо описал систему разделения власти в Речи Посполитой на языке собственной политической теории. Прежде всего, мы обращаем внимание на то, что Руссо предлагал организовать в каждом воеводстве Польши своё правительственное учреждение и преобразовать существующие сеймики (собрания знати) таким образом, чтобы в каждом воеводстве был один сеймик. Последний должен

⁷⁵ Руссо Ж.Ж. Избранные места из проекта вечного мира Шарля Ирины де Сен-Пьера // Трактаты о вечном мире. Спб., 2003. С. 137-138.

⁷⁶ Rousseau, J.-J. *Émile ou De l'éducation* // Collection Complète Des Œuvres De J.J. Rousseau. Geneve, 1782. P. 420.

был стать законодательным органом воеводства. Руссо предлагает формировать сейм, федеральный парламент, из представителей воеводств. Причем каждого представителя от воеводства (нунция) сеймик должен был снабжать инструкциями, в которых отражена воля жителей воеводства. Нунций обязался следовать этим инструкциям.⁷⁷

Раз в каждом воеводстве Руссо предлагает организовать сеймик, мы делаем вывод о том, что Руссо наделяет каждый сеймик собственной волей. Иными словами, как носитель собственной воли воеводство может принимать собственные законы. Вместе с тем, Руссо, хоть и подразумевает наличие воли у воеводства, довольно ясно дает понять, что последние не обладают суверенитетом. В первую очередь это выражается в том, что сеймикам воеводств запрещено опротестовывать принятый в общепольском сейме закон. При этом мы считаем, что воеводства не являются для Руссо и просто собранием частных организаций внутри государства. Хоть они и не делят суверенитет с Речью Посполитой, мы считаем, что они являются носителями общей воли Речи Посполитой на ряду со своей собственной волей.

В ключевых местах трактата (говоря о законе и статусе депутатов воеводств) Руссо использует понятие «воли Нации»⁷⁸. Мы объясняем, что это понятие помогает нам уловить особенность статуса воеводств. Воли Нации — парадоксальная конструкция. Напомним, в трактате «Об общественном договоре» Руссо не говорил о том, что у коллективного лица может быть много волей. Наоборот, суверен обладает единой общей волей. Сообщество внутри государства может обладать своей общей волей, частной по отношению к общей воле государства. Однако эта частная воля так и остается волей сообщества, не имея отношения к самому государству. Ее нельзя назвать одной из волей государства. Следовательно, воли Нации не

⁷⁷ Руссо, Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. СПб, 2013. С. 525.

⁷⁸ Rousseau, J.-J. *Considérations sur le gouvernement de Pologne*. Geneve, 1782. P. 455-456; P. 454-455.

могут быть суммой частных волей отдельных сообществ внутри государства, так как воли последних строго говоря не имеют отношения к нации. Каков в таком случае статус воли Нации? На наш взгляд, «воли Нации» есть мнения воеводств об общей воле Речи Посполитой.

Эту гипотезу подтверждает несколько аргументов. Прежде всего, мы говорим о том, что в сеймиках воеводств существовали – и мы показываем, что Руссо это знал – несколько видов законодательной процедуры. В ходе одной процедуры принимались законы воеводств. В ходе другой процедуры (предсеймовый сеймик) составлялись инструкции для депутатов, которые направлялись от сеймика в общепольский сейм⁷⁹. Первая процедура, как мы объясняем, предполагает наличие у воеводства собственной воли. Вторая процедура указывает на наличие у воеводства воли другого типа. Особенностью этой процедуры было то, что инструкции составлялись по вопросам, касавшимся всей Речи Посполитой, а не конкретного воеводства⁸⁰.

Кроме того, описывая законодательную процедуру уже в общепольском сейме, Руссо проводит аналогию между голосованием депутатов в сейме в соответствии с инструкциями и между голосованием граждан на ассамблее в соответствии с их мнениями об общей воле⁸¹. Эта деталь может указывать на то, что для Руссо депутаты являлись не просто представителями «частных» волей воеводств, но разъясняли мнения воеводств об общей воле Речи Посполитой. Эту гипотезу подтверждает другая особенность законодательной процедуры, описанной Руссо. Пытаясь гарантировать голосование депутатов в соответствии с «общим интересом» и защитить сейм от коррупции, Руссо предлагает усилить зависимость депутатов от инструкций⁸². Из этого предложения очевидно, что Руссо не видел проблемы локальных интересов в парламенте и опирался на

⁷⁹ Руссо, Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. СПб, 2013. С. 525.

⁸⁰ Там же, С. 524-525.

⁸¹ Там же, С. 532-533.

⁸² Там же.

предположение о том, что именно голосование в соответствии с инструкциями позволяет выявить общую волю Речи Посполитой.

В контексте нашего исследования идея о том, что воеводство обладает двумя волями, является, во-первых, той самой альтернативой Руссо идее разделенного суверенитета, лежащей в основе «Федералиста». Вместо противоречивого аргумента о передаче народом части суверенитета штатам и части суверенитета национальному правительству Руссо предлагает схему, позволяющую описать одновременно самостоятельность частей составной политики и их принадлежность этой политике. Во-вторых, эта схема позволяет говорить Руссо о сохранении моральной свободы в обширном национальном государстве.

Моральная свобода и политический язык гражданского республиканизма в «Соображениях об образе правления в Польше»

Что бросается в глаза, когда мы обращаемся к трактату «Соображение об образе правления в Польше», это то, что Руссо реже использует идиомы языка теорий общественного договора. В III главе мы показываем, что в тексте, посвященном Польше, он больше не прибегает к концепции общественного договора. Руссо больше не беспокоит вопрос возникновения правового порядка. Он практически не рассуждает здесь о природе суверена. Переход от естественного состояния к гражданскому также не волнует здесь Руссо. Более того, за весь текст Руссо лишь один раз использует термин «общая воля». Фактически общая воля как свойство абстрактного коллективного лица, политического сообщества, почти не фигурирует на страницах «Соображений об образе правления в Польше».

На первый план в «Соображениях об образе правления в Польше» выходит чувство патриотизма, которое Руссо, как показали Лео Штраус и Уилмор Кендалл, приравнивает к гражданской добродетели.⁸³ В трактате «Об

⁸³ Strauss, L. On the Intention of Rousseau // Social Research. 1947. Vol. 14. P. 458.; Kendal, W. How to read Rousseau's Government of Poland // The Government of Poland. Indianapolis, 1972. P. XXX.

общественном договоре» концепция «общей воли» отсылала не только к абстрактному коллективному лицу, носителю суверенитета, но и к чувству принадлежности к сообществу, возникающему в каждом индивиде. В более поздней работе для описания этого чувства вновь используются термины «добродетель» и «патриотизм». Эти изменения заставляют нас предположить, что Руссо в «Соображениях об образе правления в Польше» в основном использует язык гражданского республиканизма.

В самом деле, основной вопрос, который формулирует Руссо – как Польше сохранить республику, то есть усилить влияние законов, и не потерять при этом свободу?⁸⁴ Руссо не собирается обосновывать республиканское устройство как справедливое. Главный вопрос текста связан с сохранением республики. Как мы отмечали выше, согласно Вироли и Бейкеру, Руссо использовал язык теорий классического республиканизма, чтобы решить проблему сохранения, поддержания политического сообщества. В рассматриваемом тексте Руссо исходит из того, что в Польше уже есть базовые элементы республиканского устройства, среди которых наиболее важный – любовь к отечеству или гражданская добродетель. Теперь Руссо хочет, чтобы патриотизм польской знати разделялся всеми гражданами Польши.⁸⁵ Это и будет решением проблемы сохранения республики. Главным препятствием для сохранения республики, согласно Руссо, является коррупция.⁸⁶ Противопоставление республики и гражданской добродетели коррупции – базовая идиома языка гражданского республиканизма.⁸⁷ Таким образом, в «Соображениях об образе правления в Польше» Руссо использует в основном язык гражданского республиканизма. В свою очередь выбор этого языка был во многом определен главным вопросом текста – как сохранить политическое сообщество?

⁸⁴ Руссо, Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. С. 499-500.

⁸⁵ Там же. С. 500.

⁸⁶ Rousseau, J.-J. *Considérations sur le gouvernement de Pologne*. P. 434, 454.

⁸⁷ Pocock, J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, 1975.

В рамках нашего исследования важно, что в связи со сменой идиоматического языка Руссо перестает говорить о коллективной свободе народа в том ее значении, что было характерно для трактата «Об общественном договоре». В тексте, посвященном Польше, Руссо практически не говорит о свободе как о свойстве коллективной личности, народа; свойстве, аналогичном свободе воли в случае индивидуальной личности. Конечно, и в «Соображениях об образе правления в Польше» Руссо использует понятие свободы в разных смыслах. Более того, он говорит о свободе Польши от армий Российской Империи и Европейских держав, что несколько напоминает рассуждения о коллективной свободе народа⁸⁸. Вместе с тем, когда речь заходит о создании закона, Руссо начинает использовать понятие «свобода» иначе.

Как мы демонстрируем в III главе, «Гражданин Женевы» связывает существование свободы с функционирующей законодательной властью, называет сеймики алтарями истинной свободы и говорит, что король не может заставить нацию – военное ополчение – угнетать саму себя, покада каждый имеет долю в свободе, то есть участвует в принятии законов. Следовательно, мы можем предположить, что Руссо в тексте, посвященном Польше, по крайней мере мог стремиться сохранить идеал моральной свободы. Здесь нам могут справедливо возразить. Если Руссо действительно связывает сохранение свободы с работой законодательных органов, то почему мы можем быть уверены, что речь идет именно о моральной свободе?

На это возражение мы готовы ответить ссылкой на изменившийся характер критики представительного правления в трактате «Соображения об образе правления в Польше». Руссо нигде в тексте не говорит о представительстве как об угрозе общей воле коллективного организма, народа. Главный недостаток представительного правления Руссо теперь определяет как коррупцию представителей, «ужасное зло, которое

⁸⁸ Руссо, Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. С. 563; 584.

превращает орган свободы в инструмент рабства».⁸⁹ Ниже, когда мы будем говорить о средствах преодоления коррупции, мы подробнее рассмотрим, какое содержание Руссо вкладывает в понятие «коррупция». Здесь будет достаточно упомянуть, что критика представительного правления в тексте, посвященном Польше, ведется на политическом языке гражданского республиканизма, а не в терминах договорной традиции модерна. Это даёт нам еще один повод допустить, что свобода в «Соображениях об образе правления в Польше» понималась как свобода моральная, присущая каждому гражданину республики, а не как свобода коллективной личности, народа. Остается ответить на вопрос, почему институт депутатов, на который Руссо соглашается в «Соображениях об образе правления в Польше», оказывается совместим с моральной свободой. Разве этот институт не является разновидностью представительства?

Как продемонстрировали Кит Бейкер и Надя Урбинати, Руссо ещё в трактате «Об общественном договоре», в главе «О депутатах или представителях», говорит о двух разных институтах, допуская один и отвергая другой⁹⁰. В самом названии главы «О депутатах или представителях» союз «или» обозначает не равнозначность, а дизъюнкцию. В самой главе Руссо подчеркивает главное отличие представителей от депутатов, которое сводится к тому, что депутаты (*des députés*) – поверенные народа (*ses commissaires*). Следовательно, между депутатами и народом заключается «*contrat de commission*». Такое соглашение подразумевает, что народ непосредственно утверждает закон, а депутаты лишь озвучивают то, что было народом утверждено.

Вместе с тем, этот аргумент выглядит уместным, когда речь идет о народе как о коллективном лице, обладающем общей волей, которое может заключить договор поручения (мы позволим себе так перевести «*contrat de*

⁸⁹ Rousseau, J.-J. *Considérations sur le gouvernement de Pologne*. P. 454.

⁹⁰ Baker, K. M. *Inventing the French Revolution*. NY., 1990. P. 237; Urbinati N. *Rousseau on the Risks of Representing the Sovereign* // *Politische Vierteljahresschrift*. 2012. Vol. 53, №. 4. P. 648.

commission») с его поверенными, депутатами. Но что аргумент о депутатах и договоре поручения значит для критики представительного правления, которая была сформулирована на языке гражданского республиканизма? Ответ на этот вопрос Руссо даёт, предлагая механизм депутатских инструкций. Во-первых, инструкции, которыми должны были руководствоваться депутаты, являются разновидностью договора поручения. При этом составляет их не народ Речи Посполитой в целом как коллективное лицо, но жители конкретных воеводств. Во-вторых, процедура по составлению инструкций есть одна из форм реализации моральной свободы. Таким образом, институт депутатов согласуется с идеалом моральной свободы. Рассмотрим теперь внимательнее, как, в соответствии с планом Руссо, граждане Речи Посполитой могли реализовать моральную свободу.

Институты федерализма и реализация моральной свободы

Моральная свобода позволяет гражданину принять закон, который будет выражением общей воли, присущей гражданину, и который, как следствие, не будет для гражданина источником доминирования в дальнейшем. Следовательно, моральная свобода подразумевает, во-первых, что гражданин, участвуя в принятии закона, выражает «свою» общую волю (не частную). Кроме того, необходимо, чтобы гражданин участвовал в принятии закона напрямую — в противном случае закон не будет считаться «исходящим» от него и выражающим общую волю. Таким образом, граждане должны участвовать в принятии всех законов, действующих на территории политики, и они должны участвовать в их принятии напрямую.

Руссо призывает поляков сохранить и укрепить сеймики, сделать их фактически законодательными органами воеводств. Сеймики – институты прямой демократии, в которых участвовала вся шляхта воеводства. Вероятно, для жителей воеводств Руссо считал участие в сеймиках основным способом реализации моральной свободы. Последнее становится возможным благодаря сеймику, так как шляхта участвует в принятии закона воеводства напрямую и

потому что выражает на сеймиках волю воеводства. Вместе с тем, возникает вопрос: возможна ли реализация моральной свободы, когда речь заходит о коллективных решениях не отдельного воеводства, но всей Речи Посполитой?

На предсеймовых созывах сеймиков выбирались депутаты в сейм и составлялись инструкции для депутатов. Выражают ли участники предсеймового сеймика общую волю Речи Посполитой на голосовании? Руссо нигде не описывает подробно этот аспект процедуры. В тексте, посвященном Польше, в отличие от трактата «Об общественном договоре» Руссо не пишет о том, что каждый индивид обладает общей волей. Сделать такое допущение мы тоже не можем, поскольку Руссо нигде не пишет о процедуре, на которой вся общность жителей Речи Посполитой высказывалась бы об общей воле Речи Посполитой. Руссо пишет лишь о принятии законов и принятии инструкций на уровне воеводств. С другой стороны, говоря о реформе нравов и воспитании патриотизма, Руссо замечает: «Они [поляки] подчинятся законам, не уклоняясь от их соблюдения, потому что законы окажутся для них подходящими и будут внутренне одобрены их волей»⁹¹. Следовательно, голоса участников сеймика все же должны быть каким-то образом связаны с общей волей Речи Посполитой. Мы предполагаем, что Руссо замещает структуру общей воли на уровне конкретного индивида чувством патриотизма.

В идеальной процедуре, описанной Руссо в трактате «Об общественном договоре», каждый участник ассамблеи выражает собственное мнение об общей воле. Затем эти мнения консолидируются, а получившийся результат отражает общую волю⁹². В тексте, посвященном Польше, Руссо, на наш взгляд, попытался сохранить эту схему, однако, предложил несколько инстанций выражения мнения об общей воле Речи Посполитой. На предсеймовых сеймиках воеводства жители этого воеводства с опорой на

⁹¹ Руссо, Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. С. 563; 584.

⁹² Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. С. 292.

чувство патриотизма (аналог общей воли как личностной структуры) выражали свое мнение относительно общей воли Речи Посполитой. В ходе описанной процедуры мнения жителей воеводства об общей воле Речи Посполитой консолидировались, однако выражали не общую волю Речи Посполитой, но мнение воеводства об общей воле Речи Посполитой. Затем мнения воеводств об общей воле Речи Посполитой в форме инструкций передавались в Сейм, где на основе этих мнений выяснялась уже общая воля Республики.

Теперь вернемся ко второму критерию моральной свободы – участие в принятии коллективного решения напрямую. Можем ли мы считать, что граждане Речи Посполитой, участвуя в принятии инструкций, участвовали в принятии законов Республики напрямую? Конечно, это нельзя назвать прямым участием в том смысле, в котором о нем говорил Руссо в трактате «Об общественном договоре». Вместе с тем, мы считаем, что в «Соображениях об образе правления в Польше» Руссо попытался использовать существовавшие Польские институты, чтобы реализовать сценарии участия, максимально близкие к его идеалу из более раннего произведения. Для этого, однако, ему потребовалась допустить парадоксальную конструкцию. Народ в тексте, посвященном Польше, является, с одной стороны, единством граждан, связанных чувством патриотизма, а с другой стороны – единством воеводств. В общепольском сейме рассматриваются мнения воеводств об общей воле Речи Посполитой, не мнения отдельных граждан. Однако носителями чувства патриотизма, аналога общей воли как личностной структуры, являются, конечно, отдельные граждане.

Мы считаем, что Руссо, видя невозможность общей ассамблеи в Речи Посполитой, решил, тем не менее, не отказываться от идеала прямого участия. Это стало возможным благодаря введению двух видов мнения об общей воле. Все граждане должны были по-прежнему выражать мнение об общей воле Речи Посполитой в ходе общих собраний. Однако теперь это

были общие собрания воеводств, предсеймовые сеймики. В ходе этого сеймика, как мы уже замечали выше, консолидированные мнения жителей воеводства об общей воле Речи Посполитой становилась мнением всего воеводства об общей воле Речи Посполитой. Именно в этом смысле воеводство выражало мнение об общей воле Речи Посполитой. Таким образом, после проведения предсеймовых сеймиков, а также в ходе проведения заседаний и голосований в общепольском сейме членами народа с точки зрения законодательной процедуры были уже воеводства, а не отдельные граждане.

Итак, в рамках рассмотренной двухступенчатой процедуры каждый житель Речи Посполитой имел возможность выразить мнение об общей воле Речи Посполитой. Более того, каждый житель делал это в сеймиках, которые полностью соответствовали идеалу прямой демократии Руссо. В этом смысле принцип моральной свободы соблюдался. Главным добавлением была консолидация мнений отдельных граждан об общей воле Речи Посполитой в мнения воеводств об общей воле Речи Посполитой. Это новое условие не разрушало моральную свободу, если вводилось наряду с институтом инструкций. Таким образом, на предсеймовом сеймике жители воеводства участвовали в принятии законов Речи Посполитой, рассуждая о вопросах, касающихся всей политики, и составляя обязательные инструкции для депутатов. При этом они руководствовались чувством патриотизма, любовью ко всему отечеству, а не только волей своего воеводства. Это позволяет сказать, что на предсеймовом сеймике жители воеводства реализовывали моральную свободу, но не как жители воеводства, а как граждане Речи Посполитой.

Институты федерализма и преодоление коррупции

На наш взгляд, в работе, посвященной Польше, Руссо говорит о коррупции двумя способами. Во-первых, этим словом он обозначает процесс искажения гражданской добродетели, в ходе которого жители республики

пытаются удовлетворить личный интерес, пренебрегая интересом общим.⁹³ Этот подход во многом схож с тем, что Руссо использует в «Рассуждениях о науках и искусствах», где он противопоставляет «коррупции» (падению) нравов в современных ему обществах идеал античной добродетели.⁹⁴ Однако мы считаем, что в тексте, посвященном Польше, Руссо также говорит о коррупции как о разновидности отношений доминирования, основанных на имущественном неравенстве сторон.⁹⁵ Мы сможем увидеть это, если проследим структурное сходство аргумента против коррупции в «Соображениях об образе правления в Польше» с аргументом против коррупции из работ гражданских гуманистов конца XVII в. Подробнее об этом будет сказано в третьей главе основного текста диссертации.

В «Соображениях об образе правления в Польше», в главе «Способы сделать устойчивым государственный строй» Руссо пишет: «...я готов держать пари со всем миром, что лица более прозорливы в сейме и более добродетельны в сеймиках».⁹⁶ Иными словами, Руссо сетует на отсутствие добродетели у членов сейма, парламента. Напомним, что в этом тексте под гражданской добродетелью Руссо понимал патриотизм, любовь к отечеству.

⁹³ Ibid. P. 434. Мы ссылаемся на фрагмент, в котором Руссо призывает избавиться от слишком большого имущественного неравенства, поскольку последнее является одной из основных причин коррупции как падения нравов. В оригинале Руссо пишет: «Grand moyen de corruption qu'il faut affaiblir autant qu'il est possible». В русском переводе понятие «коррупция» передается словосочетанием «испортить нравы», что довольно точно отражает проблематику фрагмента: «Это могущественное средство испортить нравы, которое нужно ослабить насколько это возможно» (Руссо 2013: 509).

⁹⁴ Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Об общественном договоре, трактаты. М., 1998. С. 33-36.

⁹⁵ Rousseau, J.-J. *Considérations sur le gouvernement de Pologne*. P. 454. Мы ссылаемся на фрагмент, в котором Руссо предлагает два средства против коррупции в парламенте, которая превращает последний в инструмент рабства. Французский оригинал: «Je vois deux moyens de prévenir ce mal terrible de la corruption, qui de l'organe de la liberté fait l'instrument de la servitude». В русском переводе, однако, «коррупция» превращается в «подкуп»: «Я вижу два способа предотвратить подкуп – это ужасное зло, которое превращает носителя свободу в орудие ее уничтожения» (Руссо 2013: 523). Слово «подкуп», на наш взгляд, не позволяет увидеть, что Руссо пытается сказать о длительных отношениях зависимости, которые могут установиться между парламентом и другими политическими институтами.

⁹⁶ Руссо, Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. С. 523.

Для Руссо отсутствие добродетели у парламентариев является проблемой, поскольку это оказывается одной из причин коррупции представителей. Отсутствие добродетели у парламентариев приводит к тому, что потребность в признании они будут склонны удовлетворять не с помощью заслуг перед государством, но иным образом. Как замечает Руссо, если в обществе угасла любовь к отчеству и существует серьезное экономическое неравенство, то мерилom общественного признания будет роскошь.⁹⁷ Таким образом, парламентарии в этих условиях будут склонны удовлетворять свою потребность в признании, наращивая личные состояния. Это приводит к зависимости парламентариев от других политических институтов или частных групп граждан, готовых давать народным представителям щедрые вознаграждения, чтобы в итоге подчинить себе последних.

Потребность в признании, основанную на самолюбии (*amour propre*), невозможно искоренить, согласно Руссо. Однако её возможно реструктурировать и перенаправить таким образом, чтобы она не приводила к ситуации доминирования.⁹⁸ Для этого необходимо, во-первых, уменьшить экономическое неравенство между разными группами населения, дабы ослабить стремление к роскоши. Этого, однако, недостаточно.⁹⁹ Необходимо одновременно направить страсть к признанию на «более достойные объекты».¹⁰⁰ Именно для этого Руссо предлагает детальную схему продвижения по государственной службе (система рангов), в которой граждане за достойное исполнение служебных обязанностей поощряются знаками отличия и возможностью занять более высокую должность. Система рангов состояла из трех ступеней: слуга государства, избранный гражданин и страж законов. Каждый из рангов открывал доступ к ряду должностей.¹⁰¹

⁹⁷ Там же, С. 509.

⁹⁸ Neuhaus, F. Jean-Jacques Rousseau and the Origins of Autonomy. P 487-488.

⁹⁹ Руссо, Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. С. 509

¹⁰⁰ Там же, С. 552.

¹⁰¹ Там же, С. 566-570.

Теперь мы можем подробнее объяснить связь федерализма с этой системой рангов. Первый ранг позволял гражданину избираться депутатом в парламент (Сейм). При этом получить данный ранг гражданин мог только от сеймика своего воеводства.¹⁰² Перед этим гражданин должен был пройти 3 года службы в суде воеводства, в адвокатуре или в ряде других учреждений, получить рекомендацию с места службы, которая должна была быть подтверждена общественным мнением (к сожалению, Руссо не уточнял формы этого подтверждения). В конечном итоге на сеймике среди этих кандидатов выбирался депутат от воеводства в Сейм.¹⁰³ Иными словами, процесс отбора представителя воеводства превращался в длительную коллективную процедуру оценки, в которой участвовали жители воеводства.

После окончания двухлетних полномочий депутат отчитывался о своей работе перед сеймиком, члены которого оценивали его действия.¹⁰⁴ В итоге, если члены сеймика оставались удовлетворены деятельностью депутата, ему предлагали либо еще раз участвовать в выборах в сейм, либо – если гражданин уже три раза избирался депутатом и все три раза получал положительную оценку от сеймика – ему могли дать рекомендацию для получения ранга «избранный гражданин». Сам ранг присуждался Сеймом.¹⁰⁵ Таким образом, инструкции с одной стороны, ограничивали депутата. С другой стороны, эти же инструкции в связке с системой рангов склоняли депутата действовать в соответствии с интересом воеводства. Эта схема позволяла преодолеть коррупцию, зависимость парламентариев от других политических институтов или частных групп.

Итак, Руссо вводил лестницу рангов, которая создавала для граждан, в том числе для депутатов, новые способы обретения признания в глазах других: награды, ранги, звания. Депутаты могли обрести эти формы признания не благодаря решению иных политических институтов и частных

¹⁰² Там же, С. 566.

¹⁰³ Там же, С. 566-567.

¹⁰⁴ Там же, С. 567

¹⁰⁵ Там же.

групп, но лишь благодаря решению жителей воеводств. Жители воеводства были связаны друг с другом волей воеводства, устойчивой общностью интересов. Эта связь позволяла жителям воеводств и их сеймикам составлять инструкции, решать, кто сможет избираться представителем от воеводства в парламент, а также оценивать, как представитель справился со своей ролью. Таким образом, федерализм и лестница рангов работали как одна система, позволяющая преодолеть коррупцию представителей в парламенте.

Заключение

Теперь вернемся к нашим исследовательским вопросам. Напомним, что выше мы говорили о двух федералистских логиках, направленных на преодоление суверенитета органа. Первая логика подчеркивала учредительную власть народа, характеризуемую как способность народов создавать союзы или даже новые политии посредством заключения соглашений, а также выходить из этих объединений. С одной стороны, такой подход позволял говорить о самостоятельности составных частей федеральной политики и отрицал принцип суверенитета органа. С другой стороны, эта логика не позволяла много сказать о непосредственном отправлении власти народом, о принятии им коллективных решений. Если и предлагались некоторые решения этого вопроса, то они были применимы прежде всего в рамках федерального союза.

Вторую федералистскую логику мы связывали с аргументами «Федералиста», с работами, наследующими им (подробнее мы говорили о текстах Дэниела Элазара), а также с аргументами правоведов, занимающихся проблемами социологии права (мы делали акцента на текстах Ойгена Эрлиха). Эта логика объясняла наличие множества нормативных порядков на территории одного государства. С одной стороны, в работах указанных авторов отрицается монополия центрального правительства на правотворчество (как в случае «Федералиста» и традиции, связанной с ним, так и в случае Эрлиха) и, как следствие, возможность локализации

суверенитета в едином органе. Вместе с тем, данная федералистская логика не даёт окончательного ответа на вопрос о статусе центров власти, обладающих своим правом порядком (будь то штаты или «социальные союзы»).

Ограничения описанных федералистских логик побудили нас задать следующие вопросы: Как обращение к принципам федерализма позволяет описать участие народа в принятии коллективных решений, не ограничиваясь теми формами участия, что задаются идеей суверенитета органа? Возможно ли дать такое описание, оставаясь в пределах модели единой федеральной политики, не состоящей из суверенных государств?

Итак, в поздней модели федерализма Руссо можно найти ответы на оба вопроса. С одной стороны, эта модель даёт непротиворечивое описание статуса структурных частей единой федеральной политики. Этим она выгодно отличается от второй федералистской логики. С другой стороны, в отличие от первой федералистской логики, которая говорит только об учредительной власти народа, поздняя модель федерализма Руссо позволяет описать участие народа в принятии коллективных решений в единой федеральной политике.

Прежде всего, концепция «воли нации» Руссо позволяет описать статус составных частей федеральной политики, не прибегая к противоречивой идее разделенного суверенитета. Концепция разделенного суверенитета сталкивается с несколькими вопросами: как можно разделить неделимый по определению суверенитет? Кто именно передает «часть» суверенитета центральным органам федеральной политики и «часть» суверенитета органам составных частей федерации – народ всей политики или народы, входящие в состав федерации? Концепция Руссо позволяет эти вопросы обойти стороной, локализуя суверенитет в народе федеральной политики в целом. Этот шаг однако не отрицает самоуправления составных частей федеральной политики. Их самоуправление описывается с помощью особого статуса как носителей двух воли: воли федеральной политики в целом и воли составной части политики.

Кроме того, идеал моральной свободы позволил Руссо обозначить особенности народного участия в федеральной политике, не сводя действия народа к основанию новых политий или к выходу из существующих. В трактате «Об общественном договоре» Руссо писал в основном об учредительной власти народа, хотя предлагал также описание народного участия в принятии коллективных решений. Как мы уже неоднократно замечали, это участие сводилось к аккламации (хотя уже в этом произведении был сформулирован принцип моральной свободы). Вместе с тем, в «Соображениях об образе правления в Польше», практически отказавшись от языка теорий общественного договора, Руссо также перестал говорить и об учредительной власти народа, сосредоточившись на участии народа в принятии коллективных решений. Теперь это участие описывалось Руссо с точки зрения моральной свободы, не сводилось к всеобщему голосованию и должно было быть реализовано благодаря институтам федерализма: парламентам воеводств, депутатским инструкциям.

Сегодня теоретики демократии сконцентрированы на решении проблем, возникающих из-за напряжения между идеалами нормативной теории демократии и концепцией суверенитета органа. Одной из таких проблем является невозможность описать разнообразные формы народного участия в принятии коллективных решений (реализация демократического идеала свободы). Народ мыслится как изначальный источник власти, который, однако, навсегда отдает эту власть конкретному государственному органу и возвращает ее себе лишь изредка в дни выборов. В такой конструкции сложно помыслить иные центры принятия коллективных решений кроме парламента.

В этом смысле поздняя модель федерализма Руссо оказывается неожиданно актуальной. Она позволяет помыслить множество центров принятия коллективных решений в рамках одной политики. Концептуальное решение Руссо дает возможность предположить, как может выглядеть

народное участие, если мы попытаемся реализовать нормативный принцип свободы и полностью отказаться от идеи суверенитета органа.

Апробация работы

Публикации по теме диссертации:

Работы, опубликованные автором в журналах, индексируемых в международных базах индексации и цитирования, а также входящих в список журналов высокого уровня НИУ ВШЭ:

1. Шаблинский А.И. О мини-публиках в делиберативных демократиях: бесполезные институты или «оазисы свободы»? // Социологическое обозрение. – 2018. – Т.17, № 4. – С. 103-116.

2. Шаблинский А.И. Общественное мнение и политическое участие: возвращаясь к работа Дж. Брайса // Мониторинг общественного мнения: общественные и экономические перемены. – 2019. – Т.154, № 6. – С. 202-219.

3. Шаблинский А.И. О доверии представителям: Почему Жан-Жак Руссо согласился на представительное правление, или как общая воля уступила федерализму // Полития. – 2020. – Т.98, № 3. – С. 82-98.

Конференции:

1. «Республиканизм. Теория, история, современные практики» (11-12 декабря 2020 г., Европейский университет, Санкт-Петербург), Тема доклада: Федерализм как решение проблемы коррупции в республике или почему Жан-Жак Руссо согласился на представительное правление

2. «Способы мысли, пути говорения. XI Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ» (7-10 октября, 2020 г., НИУ ВШЭ, Москва), Тема доклада: Сталкивая историю идей и канонические трактовки истории философии: Почему Жан-Жак Руссо согласился на представительное правление?

3. «Закат закона. Пространства свободы. III Международный форум междисциплинарных исследований» (6 декабря 2019 г., НИУ ВШЭ, Москва),
Тема доклад: Суверенитет и (или) федерация

4. «Способы мысли, пути говорения. IX Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ» (26-30 апреля 2018 г., НИУ ВШЭ, Москва), Тема доклада: Общая воля и негативная свобода в работе Ж.Ж. Руссо "Об общественном договоре"